

Неймарк М. А.

доктор исторических наук, профессор кафедры Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

M. Neimark

doctor of historical sciences, Professor of the department of political science and political philosophy of Diplomatic academy of the Russian Foreign Ministry

РУССКИЙ МИР И ГЕОПОЛИТИКА

RUSSIAN WORLD AND GEOPOLITICS

Резюме: в статье исследуются проблемы Русского мира, который находится в центре идеологического и политического противоборства. Показаны модели восприятия Русского мира на Западе, в СНГ и в России.

Ключевые слова: Русский мир, украинский кризис, геополитика, идеологическое и политическое противоборство

Abstract: This article analyses the problems of Russian world in center of ideological and political confrontation. The author describes the models of perception of the Russian world in the West, CIS and Russia.

Key world: Russian world, Ukrainian crisis, geopolitics, ideological and political confrontation

Интернационализация украинского кризиса, санкционное давление Запада на Россию создали новую ситуацию в мире, раздув тлеющие угли былых противоречий и резко обострив существующие разногласия. В геополитическом пространстве произошли глубинные разломы. Блуждающие фантомы «холодной войны» вновь напрягают воображение не только напуганных обывателей, но и изрядного числа действующих политиков. Возникли новые болевые мирополитические точки, обозначившие дополнительные разграничительные линии между Западом и Россией. Более или менее устоявшаяся система сдержек и противовесов оказалась в фазе острого кризиса. Не такой уж безобидной выглядит сегодня шутка «про спокойную обстановку на китайско-финской границе».

В этих условиях новое геополитическое измерение приобретает проблематика, связанная с Русским миром. Комплексное

Работа поддержана грантом РГНФ №15-03-00870 Философия политического и реальная политика

решение проблем, связанных с Русским миром, стало важной частью внешнеполитической стратегии России совсем недавно. Накопление этих проблем, их видоизменения отражают фундаментальные сдвиги, стремительные исторические перепады и повороты, сложнейшие процессы в нашей стране и в мире в целом.

В труднейшие первые постсоветские годы по отношению к зарубежным соотечественникам проводилась, в силу понятных причин, неопределенно-размытая политика, удручавшая своей хаотичностью и спорадическими, иногда громкими акциями, ходами и контрходами. Со всей остротой обозначилась тревожная тенденция ее отставания от новых реалий и явлений и в России, и в мире в целом. Путаные и противоречивые представления о ней мешали выработке стройной системы мер в государственном масштабе. Нередко оценки феномена «Русский мир» предшествовали достоверному знанию о нем: сказывалось недавнее советское идеологическое прошлое и соответствовавшая ему ригидная политическая культура. Зачастую использовался, по сути, лозунговый метод, подменяющий реальные дела яркими призывами, никак не обеспеченными материальными ресурсами. Отметим, впрочем, полезность и отрицательного опыта, позволяющего сегодня избежать прошлых просчетов, ошибок и издержек, многие из которых в предшествующий исторический период таковыми и не считались.

Как известно, недостатки всегда выпирают, а достоинства прячутся за ними. Наступил момент, когда дал о себе знать закон убывающей отдачи: все меньшая эффективность распыленных усилий при все больших затратах на них. Даже по официальной, дипломатически осторожной, оценке МИД РФ, государственная политика по отношению к зарубежным соотечественникам была в 1990-х годах «довольно инертной». Государство оказалось не готовым к адекватной реакции на проблемы, связанные с диаспорой, их осознание как ключевых для российской внешней политики проходило болезненно [1, С. 12-13].

Рубежные изменения произошли в начале нового столетия. На регулярную основу поставлено проведение международных конгрессов зарубежных соотечественников, ассамблей русского

мира; принят ряд законов и постановлений о поддержке соотечественников; под эгидой МИД РФ и Минобрнауки создан фонд «Русский мир»; переформатирован Росзарубежцентр, на основе которого указом президента создано Россотрудничество; финансовая поддержка русского зарубежья с 2000 по 2006 годам увеличилась в 7 раз. При этом все более четко стал обозначаться вектор стратегического взаимодействия государства с различными ветвями Русского мира. Важным шагом на пути консолидации Русского мира стало подписание в 2007 году Акта о каноническом общении Русской православной церкви и Русской православной церкви заграницей.

Настало время четко обозначить понятийно-смысловую стержень и концептуальную канву Русского мира. Внесение самого понятия Русский мир в Концепцию внешней политики России 2008 года не получило полноценного теоретического обоснования и программного оформления. А из Концепции – 2013 оно вообще исчезло. Его отсутствие не смогло не сказаться в условиях нынешнего резкого обострения геополитической ситуации. Кризисное развитие событий на Украине деформировало идею Русского мира как составной части гуманитарного блока внешней политики РФ.

Сегодня отношение к Русскому миру варьируется в самом широком диапазоне – от примитивно-вульгарных до комбинационно-утонченных, выраженных не совсем явно, опосредованно, и распределяется оно по очень подвижной шкале «притяжения – противостояния», «антагонизм – партнерское взаимодействие». И оно определяется все более хаотичным смешением разнопорядковых факторов и мотивов: экономических, политических, цивилизационных, мировоззренческих и др. Не потому ли углами «колючего треугольника» назвал писатель А. Мелихов «русских, европейцев, русских европейцев».

В свете интернационализации украинского кризиса преобладающая часть западных политиков, прежде всего американских, увязывает в тугий узел столь привычно-стереотипные для них понятия: «российская империя», «советская империя», «постсоветский неоимпериализм». Выражая доминирующую во власт-

ных структурах США позицию по отношению к России и Русскому миру, известный американский аналитик Ариэль Коэн прямо заявил: «Вашингтон должен сотрудничать на периферии России и в Европе с теми, кто озабочен ростом сферы влияния России... Лучше делать это сейчас, не дожидаясь, пока призрак более авторитарной России начнет преследовать Европу и весь мир» [2].

В условиях обострения международной ситуации вокруг Украины массовое сознание на Западе воспринимает Россию и тем более Русский мир, пугающий его носителей неопределенностью содержательного наполнения и пространственных обозначений, как «империю зла», как враждебную и опасную геополитическую антитезу всему Западному миру.

Так уж ли изменилось сегодня восприятие Русского мира европейцами, особенности которого в свое время с глубоким знанием их менталитета разъяснял И.Ильин: «Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно и непривлекательно... Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим загадочным «недоразумением»...» [С. 63-64]. И поскольку «неизвестное всегда страшновато», заключает он, «вот уже полтора столетия Западная Европа боится России» [3, С. 63-64].

В западном медиаполе постоянно воспроизводятся преимущественно негативные эмоционально-образные интерпретации происходящего в ней. Динамика изменений и трансформаций у нас столь стремительна, что в окружающем мире репутация страны по-прежнему определяется ее прошлым и лишь затем – настоящим. Сказывается социально-психологический стереотип восприятия на Западе советской, а позже – российской действительности, регулируемый законом предшествования полученной ранее информации, которая соответствующим образом предопределяет восприятие информационного потока в последующих временных циклах. «Сегодняшняя геополитическая цель Москвы, - утверждает Збигнев Бжезинский, - определяемая навязчивой ностальгией Кремля по имперскому прошлому России, состоит в воссоздании подобия Российской империи или... СССР» [4].

Русский мир соотносится с воображаемым опытом массового сознания, который подпитывается и удерживается правящими элитами «не в поле смысла, а в пространстве событий». В результате, в разных странах, естественно, в не одинаковой степени имидж/образ России и Русского мира упорядоченно сопряжен с системой давно усвоенных предрасположенностей, которые на подсознательном уровне органично дополняют ценностный спектр западного обывательского мейнстрима. Ведь «клиповое» сознание не воспринимает объемную противоречивость явлений в их целостной совокупности. Массовое сознание испытывает на себе повседневное воздействие различных антироссийских идеологий, мировоззренческих и политико-пропагандистских формул, задающих тональность отношения к нашей стране и Русскому миру. Антироссийский акцент становится все более заметным на Западе. Частично получаемые от западных СМИ вторичные знания о России неизбежно меняют угол её восприятия. нередко оценки и представления базируются на устаревших понятиях: многие все еще не привыкли к мысли, что имеют дело не с СССР, а с новой страной в ином историческом контексте. Для обывательски ориентированных людей, привычно замкнутых на своих собственных делах и проявляющих отстраненный интерес к событиям в мире, восприятие происходящих в нашей стране процессов в целом остается размыто-безликим. В немалом сегменте общественного мнения – радикальных умонастроений – преобладает предвзятый, жестко-критический подход к России, форсированный акцент на негативе. Суть такого подхода в концентрированном виде выразил в названии своей резонансной статьи Томас Грэма, опубликовавший ее в «Интернэшнл Геральд Трибюн»: «Стремление во всем винить Россию». Примечательны сами риторические вопросы, задаваемые автором, и его предельно четкие ответы на них: «Но почему во всем всегда винят Россию? И почему так настойчиво звучат призывы ее наказать? Страстность этих призывов не соответствует степени опасности, которую Россия представляет на мировой арене... Как это ни парадоксально, вместе с ослаблением угрозы со стороны некогда мощной сверхдержавы появляется желание обвинять ее во всем, поскольку

мало кто считает, что это повлечет за собой какие-либо серьезные последствия для США». По мнению Т. Грэма есть очень важная психологическая причина обвинений в адрес России: «Если говорить просто, то Россия не дала США возможности одержать окончательную, приносящую моральное удовлетворение победу в холодной войне...». Но главное, по его словам, «какое бы эмоциональное удовлетворение ни приносила эта критика, она затмевает собственные проблемы Америки» [5].

В последнее время в целом все более заметными становятся односторонне-негативные оценки, упрощения и искажения ее истории и нынешнего состояния, в основе которых лежат как новые, так и опять же старые обвинения и упреки. Прослеживается цепная реакция давних стереотипов и конфронтационной логики: нарушение демократии и прав человека – авторитарная деспотия – ретросоветский милитаризм, милитаристская экспансия Москвы. Сенатор-республиканец Роджер Уикер в весьма откровенных, если не сказать, циничных, выражениях раскрыл подоплеку болезненного восприятия США русского фактора еще до введения санкций против России: «Мы не можем закрывать глаза на тревожную тенденцию демонстративного *неповиновения* (!) и мести, ставшую характерной для отношения России с Соединенными штатами» [6] (выделено автором). Политической весомости этих оценочных заключений придает то, что они были сформулированы до майдана, воссоединения Крыма с Россией, военных действий на юго-востоке Украины.

Исторически и теоретически обоснованным представляется вывод о том, что «негативистская презумпция восприятия России входит в так называемый «геополитический код» Запада, представляя устойчивый социокультурный и ментальный стереотип... Россия нужна Западу именно как негативный *alter ego*, служа в этом качестве критически важным условием гомогенности и идентичности Запада, его конституирующим Другим» [7, С. 168].

Под воздействием интернационализации украинского кризиса к понятию Русский мир стали относиться настороженно и в политических элитах отдельных стран соседнего зарубежья; в

основе его болезненного восприятия лежит растущее опасение, будто Россия преследует цель подмять под себя страны и народы на всем постсоветском пространстве. Более мягкая оценочная позиция представляет Русский мир как «концептуальную идеологию будущей евразийской общности».

Явным отражением этих опасений стало широко растиражированное интервью президента Беларуси А. Лукашенко агентству Bloomberg в начале апреля 2015 года о том, что ее не надо считать частью Русского мира: «Есть такие умники, которые заявляют, что Беларусь – часть Русского мира и чуть ли не Россия. Забудьте. Беларусь – суверенное и независимое государство». Подспудный, «тихий протест против русского мира» фиксирует у белорусской молодежи А.Ципко, подчеркивая следующие обстоятельства: сотни молодых белорусов в последние годы охотно едут в Польшу и Литву по различным образовательным программам; в Беларуси открыты полсотни Домов Польши; белорусская интеллигенция сегодня обращается к Лукашенко с просьбой перевести преподавание в вузах на белорусский язык; в целом белорусизация страны идет ускоренными темпами [8]. Эти и другие тенденции нашли отражение в оценочной оптике Концепции внешней политики России. В ее редакции 2000 года первостепенная задача оптимистически виделась в укреплении Союза Белоруссии и России «как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств». Эта явно преувеличенная оценка интеграционных перспектив сменилась в Концепции-2008 прагматическим подходом к созданию условий для эффективного строительства Союзного государства «через поэтапный перевод отношений между Россией и Белоруссией на рыночные принципы в процессе формирования единого экономического пространства». Концепция-2013 ориентирует теперь на расширение взаимодействия с Белоруссией в рамках Союзного государства в целях углубления интеграционных процессов во всех сферах. Вряд ли можно было ожидать – без потери ощущения действительности – менее расплывчатой формулировки, в которой невидимо спрессованы видимые невооруженным глазом проблемы. «Мы не проводим курс рыночного государства, основанного на рыночной собственно-

сти», – жестко заявил А. Лукашенко, проясняя тем самым реальные возможности и не очень отдаленные перспективы претворения в жизнь этой установочной позиции документа-2013, сквозь призму которой просматриваются очертания неоднозначной позиции руководства Беларуси к Русскому миру.

Определенный подтекст, прямо или опосредованно сопряженный с особенностями трактовки Русского мира видится и в объявлении президентом Н. Назарбаевым празднования 550-летия государственности Казахстана.

Особенно контрастны подходы к Русскому миру и его интерпретации на Украине, что объясняется комплексом причин. Во-первых, они отражают усиление в целом социально-политической дифференциации и поляризации в украинском обществе. Во-вторых, сказывается, как отмечают эксперты, незавершенный социокультурный раскол, который «обретает черты устойчивого политического размежевания» [9, С. 103]. В-третьих, это выхолащивание общих с Русским миром ценностей, которые служили цивилизационной скрепой славянского единения. А это, в свою очередь, не может происходить в отрыве от цивилизационного конфликта между Западом и Востоком. На этом сходятся не только сторонники, но и противники Русского мира, выступающие за взаимное отторжение. Другое дело, какую аргументацию и доводы они используют для обоснования прямо противоположных идеологических и политических выводов в отношении его глобального концептуального замысла, содержательного наполнения и долгосрочных перспектив. В преобладающей части нынешнего украинского политического истеблишмента исходят из того, будто «в Москве было принято считать, что в постсоветском океане этнического есть только один ценностный субъект — Россия. И что только у России есть цивилизационная модель, способная быть магнитом для окружающих стран. А все остальные постсоветские страны воспринимались как национальные окраины бывшей империи, единственная роль которых — служить полем боя Москвы с носителями других ценностных систем» [10].

Отсюда сугубо враждебное отношение властных структур Украины к Русскому миру. Примеров тому множество, назовем

лишь некоторые из них. Это законы о запрете российской и советской символики, об уголовном преследовании за отрицание того, что бандеровцы боролись с Россией за свободу Украины, наконец, официальное объявление России вооруженным агрессором [11, С. 21-36].

Под предлогом борьбы с пропагандой Русского мира президент П. Порошенко подписал 2 апреля 2015 года закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно защиты информационного телерадиопространства Украины», который налагает запрет на демонстрацию российских фильмов, содержащих популяризацию, агитацию, пропаганду *любых* действий российских правоохранительных органов, вооруженных сил, других военных или силовых формирований. Концентрированным выражением украинской ультрарадикальной антиросийской позиции стали различные публикации, в которых множатся предельно одиозные ультранационалистические призывы: «убить русский мир», «регулярно очищать свое жизненное пространство от русни»; украинский политолог призывает снайперов убивать русских журналистов; Русский мир характеризует-ся как «мир дураков, предателей и подлецов». И самое «мягкое» сравнение: Украина и Россия отличаются тем, что в Украине 15% дураков и 85% нормальных людей, а в России наоборот 85% – беспросветные дураки, а остальные 15% нормальные люди. Из-за повышенного процента дураков, Россия и страдает, а вместе с ней и другие народы» [12].

Иные полярно-искаженные трактовки Русского мира озвучивались задолго до майдана частью руководства Всеукраинского союза общественных организаций «Русское содружество». Эти трактовки опирались на умозрительные схемы и геополитические построения, которые никак не учитывали сложнейшую совокупность базовых, объективных факторов, определяющих реалии мирового развития. Приоритетной целью объявлялось создание интегрированного межгосударственного союза Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины с принципиальной оговоркой, что его основу должна определить идея Русской земли, «Русской страны, разделенной между несколькими государ-

ствами» [13, С. 37]. Тем самым, несмотря на кардинальные изменения геополитической парадигмы, подспудно, независимо от намерений, провоцировалась дискуссия о верховенстве истории и духовного наследия одной страны над остальным миром. Такие стратегические выкладки, способные только вызвать рефлекторное отторжение у украинских и белорусских властей, стали одним из ферментов эмоциональной закваски для антироссийских настроений в Беларуси и подпитки русофобства на Украине. Об этом нам уже приходилось писать в рамках дискуссии, организованной в 2009 году журналом «Русский век» [14, С. 28].

В связи с кризисом на Украине, изменением политики ее новых властей, их отказа от внеблокового статуса страны, похоже, неизбежен вопрос о пересмотре оценочного положения Концепции внешней политики России 2013 года об Украине как *приоритетного* (выделено автором) партнера в СНГ, что предписывало содействовать ее подключению к углубленным интеграционным процессам на этом пространстве [15]. В нынешнем формате межгосударственных отношений Украины и России это положение уже не учитывает реальность и видимость, подвижные грани между желаемым и возможным, задуманным и достижимым. Что, похоже, уже имело место в предшествующий Майдану период, когда президент В. Янукович подписал указ «О неотложных (курсив автора) мерах относительно европейской интеграции Украины», ориентированный на ее продвижение к ассоциированному членству с ЕС. Судя по всему, в отношении прогнозных сценариев развития Украины в недостаточной мере были использованы аналитические возможности экспертного сообщества. Примечательно, что еще за три года до украинского кризиса Институт этнологии и антропологии РАН, накопивший двадцатилетний опыт исследования этноконфессиональных напряжений, в том числе на постсоветском пространстве, составил весьма убедительный рейтинг конфликтности государств, в котором одно из первых мест заняла ... Украина. Было немало других тревожных моментов и значимых примеров интеграционной отстраненности, в частности Украина так и не ратифицировала Устав Содружества, отозвав в довершение всего своего представителя из Исполкома СНГ. Та-

ким образом, в нынешний переломный момент отношения между нашими странами потребуют их концептуального переосмысления, тонкой аналитики и взвешенных, без иллюзий, оценок [16].

Украинский кризис поляризовал представления о Русском мире и в российском политологическом сообществе и различных социально-политических средах нашей страны. Отнюдь не единичные их представители, опираясь на размышления почти столетней давности известных русских мыслителей о России как «величайшей империи», продолжают оперировать соответствующими категориями. А из украинского кризиса делается вывод о некоем «крахе» Русского мира, который, по их мнению, стал результатом ошибочно реализуемой идеи. Более того, есть радикалы, которые провокационно трактуют Русский мир как «Евро-Русь» от Гибралтара до Владивостока. На экспертном уровне справедливо подчеркивается, что зачастую, к сожалению, само словосочетание «русский мир» узурпируют группы давления, которые внутри страны выступают за построение однополярной, исключительно русской национальной системы, а во внешней политике для этих групп важнейшим фактором развития является экспансия «великой империи», пусть даже понимаемая в новой форме как экспансия экономическая, геостратегическая. На такой концептуальной основе даже с возможным привлечением сетевых структур народной дипломатии, проекты, основанные на принципах «мягкой силы», эффективно работать не смогут [17, С. 109].

В основе «имперских» интерпретаций Русского мира лежит мессианство, расширительное толкование особенности русской идеи. Было бы наивно, а, главное, стратегически недальновидно противопоставлять русофобии, как это нередко происходит, политически пафосный пиар русской цивилизационной особенности, неизбежно сопряженной с самонадеянным мессианством. Возникает естественный вопрос: вправе ли сегодня «догоняющая» страна рассчитывать на некие особые мессианские цивилизационные притязания – особенно после обвала всей советско-государственной парадигмы и утраты в одночасье прежних ценностных ориентиров? Конечно, нельзя рассматривать концепцию «мессианско-

го предназначения России» прямолинейно; все обстоит гораздо сложнее, она отражает серьезные социально-психологические проблемы, связанные, среди прочих важных аспектов, с дихотомическими особенностями «расщепленного сознания», претендующего на свои цивилизационные приоритеты, с одной стороны, и подспудно ориентированного на завистливое подражание Западу, с другой. Но, если в нашей стране только выразители известных настроений заводят речь о русском *цивилизационном* мессианстве, то на *геополитической* избранности США, «исключительности американской нации» настаивает само руководство страны, о чем убедительно свидетельствуют многократные заявления Б. Обама. В своей известной статье в Нью-Йорк Таймс В. Путин предупредил об опасности попыток президента США обосновать подобную мессианскую позицию: «Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности».

Наглядным концептуальным опровержением «империализации» Русского мира стал круглый стол «Русский мир – смысл и ценности», организованный в марте 2015 года по инициативе фонда «Русский мир» совместно с Институтом философии РАН. Так, по определению известного политика, исполнительного директора этого профильного фонда В.А. Никонова, Русский мир – «своеобразная цивилизация, которая шире этносов и территорий», а «принадлежность к нему – прежде всего самоощущение». Сегодня, как никогда ранее, считает он, важна «постановка вопроса о ценностной системе Русского мира, которая могла бы его объединить». Директор Института философии РАН академик А.А. Гусейнов видит геополитический смысл Русского мира в способности России «удержать в орбите своего *культурного и ценностного* влияния страны ближнего зарубежья (курсив автора)». Понятие Русский мир связывает прежде всего с воспроизводством культуры директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков, разграничивающий «старый» русский мир (мир эмиграции) и «новый» (диаспора «отлива», когда границы сами уходят от людей): «Если в мире для того, чтобы чувствовать себя культурным человеком, необходимо знать, кто такие Чайковский, Чехов, Достоевский, Кандинский, то мы соз-

дали некоторый культурный арсенал, который входит в мировую культуру». Главной составляющей Русского мира считает культуру и академик В. Лекторский, главный редактор академического журнала «Вопросы философии»: «Представьте, что Россия экономически процветает, но утратила культуру. Это будет уже не Россия! Сейчас есть угроза будущему Русскому миру и вне, и внутри страны» [18].

Особую опасность представляют позиции ультрарадикальных политиков и концептуальных миноритариев, выступающих с прямо противоположных позиций, в ожесточенной защите которых они доходят до утверждения, будто Русский мир – это «аналог Третьего Рейха» а сама концепция Русского мира представляет угрозу для мира. Концентрированным выражением этой позиции стало выступление откровенно прозападного политика А. Илларионова на заседании Комитета по экономике и безопасности Парламентской ассамблеи НАТО в Вильнюсе в мае 2014 года. В его предельно обвинительной интерпретации Русский мир выглядит как некая единая крыша российского государства, под которой будто бы любыми средствами должен воссоединен крупнейший народ в мире – русские: «Этот лозунг – точное воспроизведение лозунгов нацистской пропаганды 1930-х годов, во время подготовки Германии ко Второй мировой войне. Подобная же формулировка была использована затем Слободаном Милошевичем при попытке создать так называемую Великую Сербию.» В своей обвинительной логике он утверждает, будто геополитическая цель Русского мира – раскол Запада на два лагеря – англо-саксонский (США и Великобритания) и так называемых «прифронтовых государств», к которым он относит Польшу, Латвию, Литву и Эстонию: «Эта часть западного союза должна быть разбита. Оставшаяся «Континентальная Европа» либо должна занять по отношению к путинской России позицию нейтралитета, либо, даже, возможно, стать ее союзником». Стержневой посыл выступления Илларионова сводится к утверждению, что украинский кризис есть не что иное как пролог Четвертой мировой войны. Более того, он приписывает Кремлю признание, будто она уже «ведется Россией против остального мира» [19]. Поразительно, но

с таких сугубо антироссийских позиций выступает человек, которому в недавнюю бытность советником Президента России по экономическим вопросам в течение длительного времени «позволялись» систематические деструктивно-критические заявления относительно политико-экономического вектора развития России, невозможные по определению для действующего чиновника такого уровня в любой западной демократии.

Между тем налицо смешение понятий. В полемической остроте потерялось главное: Русский мир сегодня, если его рассматривать с обозначенного еще в 2008 году концептуального внешнеполитического угла, – это отнюдь не структурированный геополитический проект с претензией на «империализацию». Иначе его пришлось бы рассматривать в контексте упреков и обвинений в территориальных экспансиях, что не имеет никакого отношения к Русскому миру как культурно-цивилизационной доктринальной платформе, ориентированной на распространение и развитие духовного наследия России. В результате территориальных интерпретаций Русского мира сразу же вступает в силу логика, законы и правила чужой геополитической игры. Между тем речь идет о многоэтническом и многогранном мире; определяющим и объединяющим критерием принадлежности к нему является опора на русский язык, русскую культуру, цивилизационную идентичность, духовно родственное мироощущение и миропонимание. В «Прямой линии» с главой государства 16 апреля 2015 года В. Путин в очередной раз со всей определенностью заявил: «Но мы не собираемся империю возрождать. Нет у нас таких целей, в чем нас пытаются постоянно обвинить. Весь мир идет по пути интеграции. Латинская Америка вся, Северная Америка, Европа. В Азии происходит то же самое. А нам всегда пальцем тычут, что мы империю собираемся возрождать».

Искажение Русского мира начинается с гипертрофированного или абсолютизированного акцента на его этнический состав. Но слово «русский» в этой концепции означает лишь духовно-цивилизационную общность людей – независимо от национальности – ощущающих сопричастность к русской культуре и неравнодушных к ее историческим судьбам. Возражая ультранационали-

стической интерпретации одномерно – русского этнического состава Русского мира, те, кто адекватно оценивают его подлинную концептуальную суть, подчеркивают, что к нему могут принадлежать люди без капли русской крови, но точно так же стопроцентные русские в десяти поколениях могут не иметь к нему никакого отношения. Принадлежность к Русскому миру определяется не по крови и не по гражданству, это – духовный и идеологический выбор [20]. Примечательны результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ноябре 2014 года, согласно которым 65% респондентов считают Русский мир достоянием не только русских, но и людей разных национальностей.

Конечно, еще предстоит четкое программное оформление этого понятия, его превращение в целостную систему практических действий государства. Это тем более важно, что русскоязычный мир не имеет столь выраженную центрирующую форму, как, например, франкоязычный, объединенный не только культурологическим, но и политическим понятием «франкофония», на развитие и продвижение которой расходуются огромные средства.

В рассматриваемой проблематике есть свои подводные рифы – отсутствие четкого понятийного аппарата, теоретическая разработка которого требует отдельного междисциплинарного осмысления. Поэтому приходится оперировать обобщенными понятиями с более или менее адекватным смысловым стержнем: русский мир, русское зарубежье, русская община, внося по необходимости отдельные уточнения. При том, разумеется, понимании, что материнская «плата» Русского мира – это сама Россия.

Современная русская, а точнее говоря, русскоязычная диаспора – многоэтничный и многогранный мир, своеобразный сколок с нашего прежнего государственного образования в политическом, социальном, экономическом, мультикультурном и мультиконфессиональном аспектах. Определяющим и объединяющим критерием принадлежности к нему является опора на русский язык, русскую культуру, цивилизационную идентичность, личный духовный выбор. Соответственно в обобщенном виде за-

рубежная диаспора представляет русско-ориентированный культурно-цивилизационный мир.

Если исходить из того, что консолидированная диаспора – это духовно родственное мироощущение и миропонимание, то придется констатировать, что отличие от других, вполне структурировано обозначенных диаспор, Русский мир, русскоязычный мир представляет собой многослойный конгломерат, фрагментированное сообщество. Если даже принять, хотя бы частично, точку зрения отдельных представителей политологического сообщества на Русский мир как «диаспоральную сеть», как «сетевую структуру больших и малых сообществ», думающих и говорящих на русском языке, то только с обязательным уточняющим добавлением: «разрозненная». Говорить же о российской диаспоре как «транснациональной общине» вообще не приходится в силу чрезмерного преувеличения ее структурирования.

В отсутствии всеобъемлющих, или хотя бы больших статистических массивов, серьезной социологической продукции как результат систематизированного анализа, четкая типологическая классификация Русского мира пока не представляется реальной. И на государственном уровне, и в экспертном сообществе признается, что в нашей стране еще не выработан целостный подход к работе с русским зарубежьем, а ведомства и организации, призванные заниматься этой работой, зачастую действуют разрозненно, не имея достоверных данных о его состоянии.

Скорее можно оперировать понятиями узнаваемых групп и категорий, оговаривая, что речь идет не о застывших, но внутренне подвижных социальных организациях, между которыми нет и быть не может непроницаемых перегородок. Само социально-экономическое положение, правовой статус, уровень жизни, образование, профессиональная квалификация, степень востребованности и включенности в новую среду предопределяют принадлежность к той или иной группе. Здесь есть прямая связь, вполне определенная причинно-следственная зависимость.

Ограничимся обозначением этих групп, хотя, разумеется, есть и промежуточные, «пограничные» подгруппы и категории, но сама трудноуловимая зыбкость их подвижного статуса предо-

стерегает против любых, пусть и огрубленных, типологических обобщений.

Если использовать социально-стратифицирующую матрицу, то к первой, чрезвычайно пестрой по составу группе можно отнести аутсайдеров, зачастую неполиткорректно называемых неудачниками, социально неустроенных, неблагополучных представителей последней волны эмиграции после распада Советского Союза, а также беженцев из бывших республик Средней Азии и Закавказья. Среди них – наибольшее количество людей с неопределенным статусом, немало тех, кто оказался в Европе нелегально, а также, конечно же, включенных в длительный процесс регуляризации и имеющих право на временное пребывание.

На новом этапе жизни именно аутсайдеры весьма болезненно воспринимают непривычный, чужеродный социально-психологический фон: в западном общественном сознании доминирует принцип европоцентризма в оценке личности, что заведомо предопределяет пренебрежительное отношение к выходцам из бывшего СССР, стереотипно объединяемых под понятием «русский».

В обстановке скромного, как правило, быта и неустроенности для этой категории соотечественников характерны рефлексирующее сознание, депрессивное восприятие окружающего мира, у них обострено чувство иммиграционного одиночества. Приоритетные потребительские и иные «бытийные» психологические установки формируют у людей, оказавшихся на чужбине, обытовленное сознание, ослабляя историческую память и силу притяжения к России. Что, как это ни парадоксально, отнюдь не размывает привычных патерналистских ожиданий от своей исторической родины, исподволь подпитывающих их иждивенческие настроения, встроенные в прежнюю систему коллективистских фантомов.

Обыденное сознание этой группы соотечественников имеет соответствующую социально-психологическую окраску и связано преимущественно с узкими, ограниченными рамками сиюминутных забот и потребностей, представлениями об окружающем мире. В перенасыщенном растворе неудовлетворенности, часто – социальной зависти, вырабатывается и накапливается комплекс

неполноценности, который подпитывает протестные настроения и соответственно, поведение в быту выходцев из России, особенно молодежи. В этом одна из главных причин того, что в Германии, например, в первом десятилетии XXI века, преступность среди российских немцев была почти в два раза выше, чем в среднем по стране.

Обыденное сознание с отставанием отражает динамику далеко не всегда понимаемых ими процессов в стране пребывания и вне ее, что нередко трансформируется в искаженные представления и предвзятость по отношению к стране, из которой они эмигрировали. Речь идет, конечно же, не о ложном, извращенном сознании, а о неких иллюзорных формах, естественным образом появляющихся у них в новой социально-политической среде. Оговоримся при этом, что было бы неправомерно рассматривать процесс формирования преобладающих в этой группе представителей в виде однолинейной цепочки «иллюзии – заблуждения – предубеждения», где каждое последующее звено «работает», неизбежно и по нарастающей, на подпитку и закрепление антироссийских настроений переселенцев. Этот процесс может развиваться и нередко развивается по иным социально-психологическим формулам и в обратной последовательности, способствуя высвобождению от клишированных предубеждений.

Иной социально-психологической матрицей отличается вторая группа, к которой можно отнести тех соотечественников, которые уже имеют правовой статус в стране пребывания или находятся в стадии его регуляризации. Они более или менее органично адаптировались к местным условиям, относительно безболезненно вписались в новую жизненную среду, поскольку их знания и профессиональная подготовка оказались востребованными. Эта категория объединяет наиболее активную часть диаспоры, тех, кто целеустремленно и настойчиво стремится занять свою социальную нишу в западном обществе, сохраняя приверженность русскому историческому и духовному наследию.

В группе относительно успешных соотечественников, нашедших себя в новых жизненных обстоятельствах, конечно же, присутствуют элементы обыденного восприятия действительности,

но преобладает все же более идеологизированное сознание. Важнейшая особенность этой группы – сохранение в целом самоидентификации ее представителей в ценностных координатах русской культуры. Именно здесь сосредоточена наиболее активная часть Русского мира. Хотя, оговоримся, она представляет весьма противоречивый организм, психологически взаимосвязанный и одновременно разрозненный.

Эффективным ретранслятором международного авторитета России и Русского мира является интеллектуально высокоресурсная группа россиян, работающих в западных странах. Конечно, «утечка мозгов» из России серьезно ослабила нашу науку, которая остро нуждается в отечественных ученых, работающих сейчас за рубежом. Но мы рассматриваем «утечку мозгов» в ином, международном контексте, в имиджевом проблемном измерении, отдавая себе отчет в том, сколь трудно разблокировать это корневое противоречие. Объективная же давность такова: высокий уровень работающих на западе российских ученых наглядно говорит о нашей стране как интеллектуально продвинутой державе.

Обратим внимание на концептуальное видение Русского мира, который предлагает известный экономист и политолог В. Иноземцев, разграничивающий Русский мир I и Русский мир II. Русский мир I он определяет как результат свободного выбора более чем 6,5 млн человек. По его оценке они представители составляют от 2 до 7% населения крупнейших мегаполисов – Вены, Праги, Берлина, Парижа, Нью-Йорка. Они занимают высокооплачиваемые рабочие места (в США средний заработок таких «русских» превышает национальный средний на 39%); имеют высокий уровень образования (в тех же США работает более 6000 «русских» профессоров колледжей, в Европе - не менее 4000, в их числе нобелевские лауреаты Андрей Гейм и Константин Новоселов, известный статистик Владимир Вапник, лауреат Филдсовской премии Максим Концевич, биолог Евгений Кунин, физик Андрей Линде). Успешные представители Русского мира контролируют и управляют в Америке и Европе активами, стоимость которых превышает 1 трлн. долл. Вывод, к которому приходит

В.Иноземцев, впечатляет: Русский мир I создал вовне России экономику и интеллектуальное сообщество, вполне соизмеримые с самой Россией: технологическое и промышленное производство подконтрольных ему компаний существенно превышает сырьевой сектор российской экономики, а доля живущих за границей «представителей русской культуры» в индексах научных цитирований и числе нобелевских лауреатов выше, чем у граждан России.

Что же касается Русского мира II, то он, по утверждению В. Иноземцева, которое, с нашей точки зрения, требует углубленного обсуждения, образовался «в ходе исторического отступления России и выглядит арьергардом, а не передовым отрядом «русскости». В силу того что его представители вынуждены отстаивать свои культурные ценности в относительно враждебной среде, они ориентированы больше на охранительство, чем на развитие, на национальные, а не глобальные поведенческие установки. Русский мир II смотрит на российское государство как на воплощение его чаяний - и потому зачастую (и порой небезосновательно) воспринимается в своих странах как пятая колонна России, что еще более усложняет его положение. Укрепление такого мира не может не восприниматься в сопредельных государствах как угроза - и «это самая большая на сегодняшний день проблема русских в постсоветских государствах» [21].

Значительный резонансный эффект обеспечивает международному авторитету России и Русскому миру в целом группа творчески одаренных и всемирно известных деятелей русской культуры – писателей, музыкантов, артистов, художников, работающих в Европе на временной основе, или избравших постоянным местом жительства европейские страны, или живущих на два дома. По результатам опроса в Германии, например, выяснилось, что русскоязычное население успешнее всего в культуре, искусстве и спорте (47 процентов респондентов), а так же в образовании, науке и здравоохранении (24 процента опрошенных).

Назовем лишь несколько имен. Во Франции это, например, уже умершие М. Ростропович и Г. Вишневецкая, В. Аксенов; с этой страной связали свои творческие судьбы М. Шемякин и Гонкуров-

ский лауреат А. Макин, В. Полунин. В Германии – Р. Щедрин и недавно умершая М. Плисецкая; В. Войнович, вернувшийся на родину после 9 лет эмиграции. В Австрии – оперная примадонна А. Нетребко, в Бельгии – пианист А. Могилевский и многие другие.

Достойное место в русском мире занимал русскоязычный писатель киргиз Ч. Айтматов, который многие годы представлял свою страну в качестве посла в странах Бенилюкса, Евросоюзе и НАТО, совмещая свою дипломатическую деятельность с активной литературной работой. Писатель, издававшийся в мире 650 раз на 150 языках, размышлявший о состоянии духовности, диалоге и конфликте цивилизаций, о возможности различных культур и религиозных конфессий существовать и развиваться в глобализированном мире, считал русский язык и русскую литературу животворным источником в своем творчестве.

Тесно связано с российской культурой творчество грузинского композитора Г. Канчели, проживающего ныне в бельгийском городе Антверпене, известного широким диапазоном своего таланта – от глубоких классических сочинений до популярной музыки к десяткам кинофильмов.

Репутационной спецификой отличается относительно узкий сегмент людей с криминальным флёром, авторитетов уголовного мира со всего постсоветского пространства, обобщенно отождествляемых местным общественным мнением с русскими. После распада СССР все негативное и агрессивное, что в западном общественном мнении подсознательно ассоциировалось с коммунизмом, тоталитаризмом, «советской военной угрозой», стало почти сразу модифицироваться в легко внушаемую обывателю опасность «русской мафии», «красной мафии», хотя сам термин «русская мафия» за рубежом не имеет ничего общего с реальностью, поскольку среди криминальных авторитетов там преобладают выходцы из постсоветских стран Закавказья, Балтии и Средней Азии.

Деформированное восприятие Русского мира на Западе во многом предопределяется тем, что местной общественности постоянно внушается, будто Россия проиграла весь XX век, и не просто СССР и коммунистическая идеология, а русский народ

как таковой потерпел поражение в холодной войне с западной цивилизацией. Основы нигилистического отношения к нашей стране закладываются в западных странах специфическим образом с юных лет. Уже школьные учебники формируют оценочное восприятие истории российского государства и его роли в мировом развитии. Сам методологически глобализированный подход к изложению исторического материала, структура построения, чрезмерная сжатость и разрозненность сведений не дают школьникам адекватно целостного представления о прошлом и настоящем России. Подтверждение тому – разделы школьных учебников по истории, посвященные Второй мировой войне, осмыслению причин, которые привели к поражению гитлеризма. Здесь за краткостью изложения материала просматривается фигура умолчания, объективно искажающая историческую правду. Прежде всего, это касается роли СССР в разгроме фашизма. Замалчивается тот факт, что основная тяжесть войны легла на плечи народов нашей страны. Сталинградская битва по своему стратегическому значению уравнивается с военными операциями союзников в Африке, например, при Эль-Аламейне. О битве под Москвой, героической обороне Ленинграда, о Курской дуге нет ни слова, или говорится невнятно. А поворотным пунктом в ходе войны считается открытие Второго фронта. Таким образом, роль России и Русского мира в мировой истории исходно минимизируется. Ситуация вокруг празднования 70-летия великой Победы над фашизмом показала это с наглядной убедительностью. Отсюда – геополитическая важность системного наращивания самой мощи государства, его конкурентных преимуществ, независимой международной стратегии, укрепления своего геополитического статуса, с которым нельзя не считаться в мире.

Литература:

[1] Карасин Г.Б. Россия и соотечественники /Международная жизнь, 2007. №12	[4] Financial Times, 11.12.2013
[2] The New York Times, 19.09.2012	[5] International herald Tribune, 22.08.2013
[3] Ильин И. Собрание сочинений в десяти томах. Т.2. М., 1993	[6] The Washington Times, 5.07.2013
	[7] Соловей В.Д. Бренд «Россия»// Полис.2009.№4.

- [8] Ципко А. «Не может быть внешнего могущества без внутреннего. О непреодоленных иллюзиях постсоветской интеграции». Независимая газета, 24 декабря 2014 г.
- [9] Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе. Полис, 2009, №2
- [10] «Русский мир» проти світу українського. 06.04.2015. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150407/227357704.html#ixzz3XvNxVqLj>
- [11] Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма / Вестник РУДН. Серия Политология. 2014. №4. С. 21-36.
- [12] Русский мир – это мир дураков, предателей и подлецов. Обозреватель.UA URL: <http://obozrevatel.com/blogs/29860-russkij-mir-eto-mir-durakov-predatelej-i-podletsov.htm>
- [13] Русский век / Журнал о России и Русском мире. 2009, №3
- [14] Неймарк М.А. Русский мир: идеи и люди. К дискуссии о статусе соотечественника за рубежом. – «Русский век», 2009, №9
- [15] Жильцов С.С., Воробьев В.П., Шутов А.Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. Учебное пособие. М. 2010. Восток-Запад. 168 с.
- [16] Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. 2001. М. Эдель-М. 199 с.
- [17] Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007
- [18] ТД <http://www.today.ru/text/351974.html>
- [19] Илларионов А. Украинский кризис как пролог Четвертой мировой войны//НикВести. URL: <http://nikvesti.com/articles/54825>
- [20] Тимофеев А. «Русский мир» и «Русская война». URL: <http://www.iarex.ru/articles/51602.html>
- [21] Иноземцев В. Русский мир против Русского мира//Ведомости. 29.07.14. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/07/29/russkij-mir-protiv-russkogo-mira>